

Двух одинаковых радуг не бывает. Из-за преломления света каждый видит свою радугу, даже если несколько человек стоят рядом друг с другом. Каждая радуга существует ровно для одного человека в мире, и каждая — единственная.

Эмили смотрела в окно кабинета номер Z08.23 в школе имени Иоганна Гутенберга в ожидании радуги, созданной специально для нее. Подушечкой пальца она провела дугу по холодному стеклу, как будто так могла призвать ее. Но в этот день у Вселенной не нашлось для нее радуги.

Странная она, эта Вселенная. Ужасно скупая на счастливые случайности — на лотерейные выигрыши или пятерки по физкультуре, например. Зато чрезвычайно щедрая на недоумков. Хотя Эмили казалось, что в ее школе их должно быть не так уж и много. Лучше всего было бы не попадаться им на глаза. Быть как можно незаметнее, сливаться с окружением. Увы, была у Эмили привычка, из-за которой это было невозможно.

Вот-вот должен был начаться урок. Перед каждым занятием Эмили наводила порядок на своей парте. Она достала

из рюкзака нужные учебники и тетради, разложила ручки и карандаши от самого длинного к самому короткому, выровняла свой пенал относительно края стола — в пяти сантиметрах. Затем выложила точилку и ластик на их неизменное место перед пеналом.

Эмили делала это вовсе не для красоты. Только так она чувствовала, что все правильно. Она знала, что с тем же успехом могла бы просто нарисовать на своем лбу мишень. Пренебрежение, насмешки и даже обстрел жеваными бумажками стали для нее обыденностью. Но этот порядок был ей очень нужен, потому что в последние несколько лет в ее жизни было слишком много неразберихи. Они переезжали уже семь раз, потому что то мама, то папа меняли работу. Последний год Эмили снова жила у бабушки и дедушки — в единственном месте, где она чувствовала себя дома.

Она опять посмотрела в окно. Радуги по-прежнему не было. Может быть, в эту минуту ее видели в Дубае родители. В пустыне радуга появляется даже реже, чем в оазисах.

— Прости, что отвлекаю, Эмили. Сдается мне, вид из окна куда занимательнее, чем мои уроки. Ты, наверное, умнее всех, раз мои объяснения тебя так утомили.

— Нет, я просто...

Учитель Дресскау не дал ей договорить. Он вел у нее не только математику, но и историю — видимо, Вселенная решила не давать ей никаких поблажек.

— Раз ты такая умная, почему бы тебе не выйти к доске? — Учитель улыбнулся. Делать это он умел хорошо, очень правдоподобно. Даже если при этом испытывал полное пренебрежение.

— А я и не говорила, что умная!

— Выходит, глупая? — Его улыбка стала еще шире. — Понимание своего несовершенства — это первый шаг к прогрессу. Раз уж глупая, тебе и идти к доске. Ну-ка, шагом марш!

Эмили встала, аккуратно задвинула стул на место и подошла к доске. Вопросительно взглянула на Дресскау: какие еще унижения он придумает?

— Что мне нужно посчитать?

— Правильнее было бы сказать не «нужно», а «можно». Тебе дозволено учиться — это большая привилегия! Дети из других стран тебе бы позавидовали. — Он демонстративно вздернул брови.

По классу прошелестел шепоток, и Эмили даже показалось, что она уловила несколько едких усмешек.

— Что мне *можно* посчитать?

— Определи нули функции $y = -2x + 3$. — Он записал уравнение на доске, с силой давя на мел. Так, так. Скри-ип.

— Эту тему мы еще даже не проходили. Она будет только в восьмой главе.

— То есть ты разбираешься, что нужно знать, а что нет? Разве ты тут учитель?

— Нет...

— Вот именно, что нет. Я спрашиваю только то, что должен знать каждый. Разве родители тебя ничему не учили?

— Но ведь никто здесь...

— Не переводи тему! — Голос Дресскау стал таким острым, что им можно было колоть лед. — Мне неважно, кто и что знает. Речь сейчас о тебе.

На школьных собраниях он был совсем другим — дружелюбным и обаятельным, особенно с мамой Эмили, с которой когда-то учился. С ней он был даже слишком милым. Просто противно.

— Итак, можешь ли ты выполнить это задание?

— Не могу, — тихо ответила Эмили.

— Я не слышу!

— Я не могу! — На этот раз она почти крикнула.

— Твоя наглость меня просто поражает. Садись. К следующему занятию буду ждать от тебя доклад по линейным функциям на пять страниц.

— Но следующий урок уже завтра, а у нас есть еще задания, которые мне нужно сделать.

— Значит, десять страниц. Услышу еще одно слово поперек — и будет двадцать. Есть возражения?

Возражений, конечно, он не услышал. Эмили отправилась за свою парту, сопровождаемая ухмылками большинства одноклассников. Лассе отвернулся, будто его тут нет. Наверное, стало стыдно за остальных. Как много значила бы сейчас его улыбка! Она мечтала о ней с того дня, когда пришла в этот класс. Окажись Лассе героем романа, он был бы тем, кто, сам того не зная, умеет приручать драконов. Или будущим пиратом Карибского моря. Или принцем из могущественного клана оборотней. Главное, чтобы обязательно высоким, светловолосым и прекрасным.

Фредерик, наоборот, смотрел прямо на нее с улыбкой, подобной лечебной мази. Шарли, ее лучшая подруга, сидела бледная и улыбаться не могла, будто это она только что стояла у доски, — настолько глубоко она умела сопереживать. Это, конечно, отлично, когда нужен кто-то, кто тебя поймет. Но плохо, если при этом не хочешь, чтобы этому кому-то было так же паршиво, как тебе.

— Садись уже! — услышала она позади себя голос учителя. Парты и стул, ее спасительный берег, были всего в нескольких шагах. — Впрочем, с педагогической точки зрения

было бы неправильно разрешить тебе сейчас вернуться за парту, как будто незнание вознаграждается. А ведь впереди еще столько нерешенных примеров.

Эмили почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Желудок свело судорогой.

Фредерик попросил разрешения задать вопрос.

— Не сейчас, — отрезал Дресскау.

— У меня вопрос по домашнему заданию, я хотел узнать, пока занятие...

Учитель пристально посмотрел на него и раздраженно произнес:

— Думаешь, я не знаю, что ты пытаешься сделать? Не думай, что получится отвлечь меня от твоей подружки. Объясню вам этот пример на следующем уроке. Не хватало еще, чтобы такие сопляки, как ты, держали меня за дурака!

Впрочем, именно это и случилось.

Дресскау не догадывался, что выступление Фредерика отвлекает его от кое-чего другого. Тот заранее подал знак Шарли, которая сидела в другом конце класса, у окна. Ей нужно было лишь открыть его и насыпать крошки от своего бутерброда на подоконник. Результат не заставил себя ждать.

Дресскау обернулся и поморщился:

— Немедленно прогоните это мерзкое животное! Вон! — Он ринулся к двери кабинета. — Вы что, меня не слышали? Сейчас же!

Это была еще одна причина, по которой Эмили терпеть не могла учителя: Дресскау боялся птиц и потому ненавидел их.

Тем временем Фредерик кинул несколько крошек на пол — и голубь влетел в класс. Дресскау стремительно выбежал

в коридор, захлопнув за собой дверь. Больше птица никому не мешала до самого конца урока. А когда прозвенел звонок на перемену, голубь вылетел в окно, как будто это был сигнал не только для учеников, но и для сытых птиц.

Теперь уже улыбалась Эмили.